

1855.

КАВКАЗЪ.

№ 76

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое изданіе съ переслкою 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 • 50 к.
Объявленія печатаются съ платою за
каждую букву по 1/4 коп. серебромъ.

28 Сентября,

СРЕДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайшій рескриптъ. Высочайшія приказы: по военному вѣдомству 5—8 и по гражданскому 4-го сентября. Телеграфическое и другія извѣстія изъ Крыма. Приказъ Главнокомандующаго въ Крыму. Москва. **КАВКАЗЪ:** Тифлисъ. Извѣстія изъ Азіатской Турціи. **ФЕЛЬЕТОНЪ:** Тифлисскія замѣтки. **ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ:** Извѣстія съ театра войны. Англія. Франція. **УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:** Путешествіе въ г. Сисъ (продолженіе.)

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта, Генерала-отъ-Инфантеріи Графа Закревскаго.

Графъ Арсеній Андреевичъ. По восшествіи на Прародительскій Престолъ, душевнымъ Моимъ желаніемъ было—посѣтить Мою Любезновѣрную Первопрестольную Столицу, въ которой Я родился и воспріялъ Святое крещеніе подъ сѣнію мощей Московскаго Чудотворца Святителя Алексія. Исполнивъ нынѣ это желаніе, Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ видѣлъ истинно-радушный Мнѣ и всему Моюму Семейству пріемъ Московскими жителями, пріемъ завѣтный, которымъ Русь всегда встрѣчала своихъ Государей. Поручаю вамъ изъяснить всѣмъ сословіямъ Москвы Мою сердечную признательность и благоволеніе. —Счастіе Моё было бы совершенно, если бы предшествовавшія событія не омрачили эти радостныя минуты. —Изъ Приказа Моего Россійскимъ Арміямъ уже извѣстно, что Севастопольскій гарнизонъ, послѣ безпримѣрной одиннадцати-мѣсячной осады, явившій неслыханные доселѣ подвиги мужества и самоотверженія, отбивъ шесть отчаянныхъ приступовъ, перешелъ на сѣверную сторону города, оставивъ непріятелю однѣ окровавленные развалины. —Геройскіе защитники Севастополя совершили все, что было въ силахъ человѣческихъ. Предшествовавшія и теперешнія событія принимаю какъ несповѣдимую волю Провидѣнія, ниспосылающаго Россіи тяжкую годину испытанія. —Но Россіи были испытанія еще и болѣе тяжкія, и Господь Богъ всегда ей ниспосылалъ Свою всеблагую и невидимую помощь. Будемъ же и теперь уповать на Него; Онъ защититъ Русь Православную, подъявшую оружіе за дѣло правое, за дѣло Христіанства. Отрадны Мнѣ постоянныя доказательства, что всѣ и каждый готовы жертвовать: достояніемъ, семействомъ и послѣднею каплею крови къ поддержанію цѣлости Имперіи и чести народнои. Въ этихъ-то народныхъ чувствахъ и дѣяніяхъ нахожу утѣше-

ніе и силу, и слившись сердцемъ нераздѣльно съ Моимъ вѣрнымъ и доблестнымъ народомъ, повторяю, съ упованіемъ на помощь и милость Божию, слова Императора Александра I-го: «Гдѣ правда—тамъ и Богъ».

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно-благоклонный. На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

Москва, 8-го сентября 1855 года.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Сентября 5-го дня 1855-го года. **Назначается.** По Артиллеріи. 20-й Артиллерійской бригады Капитанъ **Мясловъ.**—Командующій Резервною Легкою № 1-го батарею 4-й Артиллерійской дивизіи, съ переводомъ въ 11-ю Артиллерійскую бригаду.

Сентября 6-го дня. **Увольняется отъ службы за болезнью.** По Артиллеріи. Командиръ Конно-Артиллерійской бригады Кавказскаго Ливійнаго Казачьяго войска, состоящій по Полевой Конной Артиллеріи Полковникъ **Бонардъ,** съ мундиромъ и съ пенсіономъ половиннаго жалованья.

Сентября 7-го дня. **Исключаются изъ списковъ: Умершіе.** По Кавалеріи. Командиръ Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка, Генералъ-Маіоръ **Куколенскій.** По Артиллеріи. Командиръ Легкой № 7-го батареи 18-й Артиллерійской бригады, Подполковникъ **Тальгрень,** —оба отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ противъ Турокъ.

Сентября 8-го дня. **Назначается.** Начальникъ 20-й Пѣхотной дивизіи и Лѣваго Фланга Кавказской линіи, Генералъ-Лейтенантъ **Баронъ Врангель 2-й**—Начальникомъ 2-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи.

— Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству о чинахъ Гражданскихъ сентября 4-го дня 1855 года, **Проводятся:** За выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: Изъ Коллежскихъ Регистраторовъ въ Губернскіе Секретари. Помощникъ Архиваріуса Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса **Луговой,** съ 5-го Августа 1855 года. **Умершіе исключаются изъ списковъ.** По части Коммисаріатской. Коммисаръ Кавказскаго Подвижнаго № 1-го госпиталя, Титулярный Совѣтникъ **Мережко.** По части Медицинской. Лекаръ Черноморскаго Ливійнаго № 9-го батальона, Коллежскій Ассессоръ **Галактионовъ.** По части Аудиторской. Аудиторъ Черноморскаго Ливійнаго № 14-го батальона, Коллежскій Регистраторъ **Борисовъ.**

ТЕЛЕГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ КРЫМА.

(Отъ Генералъ-Адъютанта Князя Горчакова.)
7-го сентября, 9 1/2 часовъ по-полудни.

Непріятель бросаетъ бомбы и ракеты на сѣверную сторону Севастополя; на лѣвомъ же нашемъ флангѣ продолжаетъ производить рекогносцировки отъ Байдарской долины.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КРЫМА.

Событія для 27-го августа будутъ представлены отъ Генералъ-Адъютанта Князя Горчакова въ особомъ описаніи.

28-го августа, противникъ продолжалъ стрѣлять по бухтѣ и прибрежнымъ батареямъ на сѣверной сторонѣ; флотъ его находился подъ парами; нѣкоторые изъ кораблей приближались нѣсколько къ берегу, а изъ Камышевой бухты выведены на рейдъ 5 канопирскихъ лодокъ.—На лѣвомъ нашемъ флангѣ часть непріятельской кавалеріи, бывшей въ Байдарской долинѣ, отошла къ д. *Варнупиль,* очистивъ южный входъ въ долину.

30-го августа, въ 10 часовъ утра, непріятельская кавалерія, числомъ до 10 эскадроновъ, выдвинулась къ сел. *Шулю,* гдѣ часть ея спѣшилась и, занявъ сады, начала перестрѣлку съ нашими аванпостами.—Къ вечеру противникъ отступилъ за р. Черную; аванпосты наши снова заняли свои мѣста.

Въ тотъ же день непріятель открылъ съ батареи своихъ, устроенныхъ надъ рейдомъ, сильный огонь по нашимъ пароходамъ.—Чтобы лишить его возможности взорвать ихъ, сняты, по приказанію Главнокомандующаго, орудія съ пароходовъ: «Владиміръ», «Крымъ», «Херсонесъ», «Бессарабія»,

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Тифлисскія замѣтки.

Сентябрь въ Тифлисъ.—Два обѣда.

Положимъ, что фельетону сентябрьскихъ номеровъ какой нибудь петербургской газеты нельзя обойтись безъ того, чтобы не пожаловаться на сентябрьскую погоду: оно совершенно понятно и извинительно тамъ, гдѣ если ужъ наступилъ сентябрь, такъ не минуешь флюса или насморка (это еще по меньшей мѣрѣ!); но здѣсь, въ Тифлисъ, жаловаться на погоду въ сентябрѣ мѣсяцѣ не только странно, но даже и совсѣмъ выходитъ изъ житейскаго обычая! А между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году нельзя и не пожаловаться. Августъ и сентябрь,—когда свѣтлые и сухіе дни перестаютъ дышать зноемъ, но еще не начинаютъ пугать излишнею свѣжестью; когда открывается настоящій сезонъ нашихъ прогулокъ,—это то прекрасное время въ нынѣшнемъ году измѣнило своему всегдашнему характеру и возбуждаетъ самыя справедливыя жалобы. Въ оба мѣсяца не прошло недѣли, чтобъ не было проливнаго дождя, а за дождемъ хотя и наступало вѣдро, но грязь, непроходимая грязь,—оставалась до новаго ливня. Это обстоятельство, можетъ быть, не обратило-бы на себя вниманія нашего фельетона, если-бы оно въ нынѣшнемъ году не было особенно-тѣсно связано съ нашей общественной жизнью. Дѣло въ томъ, что въ нынѣшнемъ году наши дачники, жители Коджоръ, Мангліса, Бѣлаго-Ключа и т. д., довольно рано возвратились въ городъ съ своихъ кочевокъ и, убѣгая тамъ отъ преждевременной осени, имѣли полное право рассчитывать на хорошее время въ городѣ. Но ожиданія ихъ были обмануты; а такъ какъ, кромѣ театра, въ городѣ никакихъ другихъ развлеченій не оказалось, то отсутствіе прогулокъ (по случаю періодическихъ дождей)

и было чрезвычайно ощутительно для всѣхъ вообще, а для нашихъ дамъ въ особенности.

Непрекрасный полъ могъ еще потѣшать себя вечерами въ Коммерческомъ Собраніи или въ театрѣ... Но прекрасный полъ? Что оставалось ему дѣлать? Заняться хозяйствомъ, обеспеченіемъ себя на зиму отъ недостатка въ дровахъ, въ вареньяхъ и соленьяхъ? Но развѣ еслъ могутъ заниматься такимъ прозаическимъ дѣломъ? Ѣздить въ театрѣ?... Но и въ театрѣ, то есть въ нынѣшней нашъ театрѣ, право не всѣ способны Ѣздить слишкомъ часто.

— Что за охота (говорила намъ недавно одна умная и всѣми уважаемая дама—туземка) смотреть на сцену, гдѣ ваши глаза, или бинокль вашей дочери, того и гляди наткнутся на выщипанный парикъ г-на Маркса, или на прошлогодній халатъ г-на Иванова?»

Положимъ, что такое сужденіе слишкомъ строго и слишкомъ отзывается сарказмомъ; положимъ, что новыя наши артисты, какъ гг. *Зубовичъ* и *Яковлевъ*, судя по началу, заслуживаютъ болѣе лестнаго отзыва... Но въдѣ, съ другой стороны, и то правда, что одна ласточка еще не дѣлаетъ весны.

Впрочемъ о театрѣ говорить не мѣсто, да и не наше дѣло; на это есть г-нъ *старый театралъ*, который обѣщавъ познакомиться и насъ познакомить съ новыми тифлискимъ театромъ, и вѣроятно сдѣлаетъ это въ свое время; а мы обратимся къ прерванной рѣчи.

Мы остановились... На чемъ-бишь мы остановились? Да! на тифлисской скукѣ... Было на чемъ останавливаться!... Но дѣлать нечего, надо и о скукѣ поговорить весело, если уже нѣтъ ничего веселѣе; лишь-бы только не навести скуку на читателя фельетона, который (т. е. читатель) нисколько не виноватъ, что въ Тифлисъ дождливая и скучная осень.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы въ настоящее время въ Тифлисъ ничего не было веселѣе скуки. Послѣдняя недѣля резко вышла изъ скучно-осенней колѣи и чрезвычайно оживила наше общество. Мы разумемъ тѣ два обѣда, о которыхъ упоминала вскользь сегодняшняя наша городская хроника. Придерживаясь хронологическаго порядка, расскажемъ сначала объ обѣдѣ, данномъ въ прошедшую субботу въ честь дивизіона драгунъ Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, приходившихъ на нѣсколько дней въ Тифлисъ, куда они сопровождали изъ-подъ Карса лѣвннхъ Турокъ: 1 пашу, 19 офицеровъ и 260 нижнихъ чиновъ.

Тифлисъ всегда радостно и радушно угощалъ дорогихъ гостей-защитниковъ нашего края, спѣша пользоваться всегда—кратковременнымъ пребываніемъ ихъ въ нашемъ городѣ. Но на этотъ разъ нельзя сказать, чтобы Тифлисъ, или тифлиское городское общество участвовали въ этомъ похвальномъ дѣлѣ гостепріимства: на этотъ разъ приняла на себя эту пріятную обязанность только малая часть зѣвшихъ гражданъ, только темнорядцы, т. е. купцы, торгующіе въ такъ называемыхъ *темныхъ-рядахъ* краснымъ и бумажнымъ товаромъ. Они первые возымѣли мысль устроить правникъ, и предупредили въ ея исполненіи не только прочихъ своихъ согражданъ, но даже и его сѣятельство, князя В. О. Бебутова, который, вида ревностное желаніе темнорядцевъ угостить дорогихъ гостей,—уступилъ имъ удовольствіе видѣть за своимъ столомъ гг. офицеровъ дивизіона.

Обѣдъ для нихъ и для всѣхъ нижнихъ чиновъ сначала былъ устроенъ въ одномъ изъ подгородныхъ нашихъ садовъ. Но дождь вмѣшался въ дѣло, и на этотъ разъ вмѣшался довольно удачно, потому-что праздникъ много выигралъ отъ помѣщенія въ оригинальномъ, совершенно вос-

«Громоносецъ», «Эльбурусъ», «Дунай», «Турокъ» и «Грозный, а самые пароходы затоплены.

31-го августа и 1-го сентября, противникъ стрѣлялъ мало; 1-го сентября онъ пытался открывать огонь изъ мортиръ, поставленныхъ имъ у Графской пристани.—Въ тотъ же день, аванпостами съ лѣваго нашего фланга замѣчено, что въ Байдарской долинь, близъ куреня, на дорогѣ изъ Узенбашика въ Уркусту, появились два лагера, въ которыхъ расположены около 6-ти эскадроновъ кавалеріи и 5-ти баталіоновъ пѣхоты съ артиллеріею.

ПРИКАЗЪ ПО ЮЖНОЙ АРМИИ

и

ВОЕННО-СУХОПУТНЫМЪ И МОРСКИМЪ СИЛАМЪ ВЪ КРЫМУ.
Главная квартира на Инкерманскихъ высотахъ, въ окрестностяхъ г. Севастополя, августа 31-го дня 1855 года.

Храбрые товарищи!

12-го сентября прошлаго 1854 года, сильная неприятельская армія подступила подъ Севастополь. Не взирая на числительное свое превосходство, ни на то, что городъ сей былъ лишенъ искусственныхъ преградъ, она не отважилась атаковать его открытою силою, а предприняла правильную осаду.

Съ тѣхъ поръ, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, коими располагали наши враги, безпрестанно подвозившіе на многочисленныхъ судахъ своихъ подкрѣпленія, артиллерію и снаряды, всѣ усилія ихъ преодолѣть ваше мужество и постоянство, въ продолженіе одиннадцати половиною мѣсяцевъ, оставались тщетными,—событіе безпримѣрное въ военныхъ лѣтописяхъ: чтобы городъ, на-скоро укрѣпленный въ виду неприятеля, могъ держаться столь долгое время противъ врага, коего осадныя средства превосходили всѣ принимавшіеся до нынѣ въ соображеніе расчеты въ подобныхъ случаяхъ.

И при такихъ-то огромныхъ средствахъ, послѣ 9-ти-мѣсячнаго разрушительнаго дѣйствія артиллеріею громадныхъ размѣровъ, неприятель, неоднократно прибѣгавшій къ усиленному бомбардированію города, выпуская каждый разъ противъ оного по нѣсколько сотъ тысячъ снарядовъ, увидѣлъ безуспѣшность сей мѣры и рѣшился наконецъ овладѣть Севастополемъ съ боя.

6-го іюня сего года онъ устремился на приступъ, съ нѣсколькихъ сторонъ, храбро ворвался въ городъ, но былъ встрѣченъ вами съ неустрашимостію и отбитъ на всѣхъ пунктахъ, самымъ блистательнымъ образомъ.

Неудача эта вынудила его обратиться по-прежнему къ продолженію осадныхъ работъ, умножая свои батареи и усугубляя дѣятельность въ веденіи траншейныхъ и минныхъ работъ.

Такимъ образомъ, со дня достославнаго отбитія вами штурма 6-го іюня, протекло еще болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ, одушевленные чувствомъ долга и любви къ Престолу и Отечеству, вы геройски оспаривали у неприятеля каждый аршинъ земли, заставляли его подвигаться впередъ не иначе, какъ шагъ за шагомъ, платить потоками крови и немовѣрною трагюю снарядовъ за одну сажень пройденнаго пространства. При такой упорной защитѣ, мужество ваше не только не ослабвало, но доходило до высшей степени самоотверженія.

При всемъ томъ, если неустрашимость и терпѣніе ваши безпредѣльны, то есть вещественные предѣлы возможности сопротивленія. По мѣрѣ приближенія неприятельскихъ подступовъ, батареи ихъ также сближались одна къ другой; огненный кругъ, опоясывавшій Севастополь, съ каждымъ днемъ стѣснялся болѣе и болѣе, и все далѣе извергалъ въ городъ смерть и разрушеніе, поражая храбрыхъ защитниковъ его.

Пользуясь такимъ превосходствомъ огня на самомъ близкомъ разстояніи, неприятель, послѣ усиленнаго дѣйствія артиллеріи въ продолженіе 20-ти дней, стойваго ежедневно нашему гарнизону потери отъ 500 до 1,000 человекъ, 24-го августа началъ адское бомбардированіе изъ огромнаго числа орудій, небывалыхъ калибровъ, слѣдствіемъ коего было ежедневное разрушеніе нашихъ окоповъ, уже съ большимъ трудомъ, съ самыми чувствительными потерями, возобновлявшихся по ночамъ, подъ безостановочнымъ огнемъ неприятеля. Въ особенности главнѣйшій изъ сихъ верковъ, редутъ Корнилова на Малаховомъ курганѣ, составлявшій ключъ Севастополя, какъ пунктъ господствующій надъ всѣмъ городомъ, претерпѣлъ значительныя, неис-

правимыя поврежденія.

Въ такихъ обстоятельствахъ, продолжая оборону южной стороны—значило бы подвергать ежедневно бесполезному убійству войска наши, сохраненіе коихъ, нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, нужно для Государя и Россіи.

Поэтому, съ прискорбіемъ въ душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняю священный долгъ, я рѣшился очистить Севастополь и перевести войска на сѣверную сторону, частію по устроенному за-ранѣ мосту черезъ бухту, частію на судахъ.

Между тѣмъ, 27-го августа, въ 10½ часовъ утра, неприятель, видя передъ собою полуразрушенные верки, а редутъ Корнилова съ засыпанными рвами, предпринялъ отчаянный приступъ одновременно на бастионы: 2-й, Корниловъ и 3-й, и около трехъ часовъ спустя, на 5-й бастионъ и редуты Блжжина и Шварца.

Изъ этихъ шести атакъ, пять отбиты со славою; нѣкоторые изъ атакуемыхъ пунктовъ, какъ-то: 2-й бастионъ, на который неприятель уже взвезъ было орудія по накинутымъ мостамъ, переходили по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки и окончательно остались за нами; но редутъ Корнилова, болѣе прочихъ укрѣпленій разрушенный бомбардированіемъ, былъ занятъ Французами, направившими на оный до тридцати тысячъ человекъ и, послѣ огромныхъ потерь, нами понесенныхъ съ начала боя, не могъ быть исторгнутъ изъ ихъ рукъ, ибо для сего намъ надлежало бы взбираться по крутой покатоности кургана, между развалинами рабросанныхъ въ беспорядкѣ строеній и потомъ проходить по узкой плотинѣ, чрезъ неповрежденный глубокой ровъ задняго фаса, занятаго Французами.

Такое предпріятіе могло бы не привести насъ къ желаемому успѣху и неминуемо стоило бы несмысленныхъ потерь.

Сіе было тѣмъ менѣе нужно, что по вышеизложеннымъ причинамъ, я рѣшился во всякомъ случаѣ оставить городъ. За тѣмъ, такъ какъ успѣхъ неприятеля ограничивался исключительно занятіемъ редута Корнилова, я приказалъ, не предпринимая нападенія на этотъ редутъ, оставаться передъ онымъ, для воспротивленія неприятелю продолжать отсюда

точною зданію караванъ-сарая, известнаго подъ именемъ темныхъ-радовъ.

Къ 12 часамъ это огромное и длинное зданіе, напоминающее собою иноземные пассажи,—было уже отъ конца въ конецъ уставлено столами и скамьями, обремененными всѣмъ, что только туземная кухня могла изобрѣсти для приличнаго угощенія. Особый столъ былъ накрытъ для гг. офицеровъ. Во 2-мъ часу прибылъ его сіятельство Князь В. О. Бебутовъ, ласково привѣтствовалъ гг. офицеровъ, обошелъ ряды нижнихъ чиновъ, здороваясь съ молодцами-драгунами, и съ улыбкою принялъ ихъ громкое, на этотъ разъ конечно вполне задушевное здравіе желаемъ начальнику, водившему этихъ самыхъ людей къ башмаклярской и кюрюк-дарской побѣдамъ. Послѣ того было совершено молебствіе съ водоосвященіемъ и окропленіемъ всѣхъ присутствующихъ. За тѣмъ, пригласивъ гг. офицеровъ къ закускѣ, его сіятельство налилъ и себѣ рюмку водки, и, въ то время, когда всѣмъ Драгунамъ усердные граждане успѣли уже налить по доброму стакану зелена-вина, произнесъ священный тостъ за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи. Громкое ура перекатилось по длинному зданію и потрясло его своды. Второй, произнесенный его сіятельствомъ тостъ, былъ за здоровье храбраго Драгунскаго Князя Варшавскаго полка. Новое перекатное ура было отвѣтомъ доблестному начальнику, который, ко всеобщему сожалѣнію, тѣмъ и окончилъ краткое участіе свое въ праздникѣ: обѣдъ происходилъ уже въ отсутствіи его сіятельства. Но радушіе хозяевъ старалось развеселить гостей, огорченныхъ отъѣздомъ князя, и въ особенности тѣмъ, что они не успѣли осушить бокалъ за его здоровье. Обѣдъ былъ оживленъ столько, сколько могли этого желать угощающіе, за здоровье которыхъ былъ также произнесенъ тостъ старшимъ изъ гг. офицеровъ. Угощающіе были тутъ же на лицѣ. Они заперли въ этотъ день свои лавки для обычной торговли,—открывъ ихъ только для того, чтобы изъ числа хранящихся въ нихъ товаровъ, вынуть по красивому бумажному платку для каждого изъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ гостями ихъ радушнаго праздника. Этотъ неожиданный подарокъ, повидимому, былъ особенно-пріят-

тенъ молодцамъ-драгунамъ. Солдатикъ хоть и не красная дѣвушка,—а платочекъ и ему на походъ годится!...

Воздавъ должную похвалу всѣмъ гостеприимнымъ нашимъ темнорядцамъ, грѣшно было-бы не упомянуть о тѣхъ, которые, какъ говорится, заправляли праздникомъ. Это были граждане: Соломонъ Миримановъ, Георгій Манденовъ, Степанъ Читаховъ, Соломонъ Ротинъ, Иванъ Байсаголовъ и другіе.

Къ сожалѣнію, гг. офицеры, бывшіе нашими гостями, не могли у насъ хорошенъко повеселиться, не могли быть ни въ театрѣ, ни въ нашемъ изящномъ клубѣ: на другой день раннимъ утромъ назначено было ихъ выступленіе изъ Тифлиса въ обратный путь къ Карсу. Передъ выступленіемъ они имѣли, однакожъ, удовольствіе видѣть еще разъ прелюбнаго своего корпуснаго командира. Не смотря на проливной дождь, князь В. О. Бебутовъ, верхомъ на боевомъ конѣ, сопровождалъ ихъ до заставы.

Обратимся теперь къ другому празднику, имѣвшему совершенно другое значеніе.

Узнавъ о скоромъ отъѣздѣ изъ нашего края одного изъ достойнѣйшихъ членовъ тифлискаго благороднаго общества, флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, полковника князя Григорія Григорьевича Гагарина, тифлисское общество собралось выразить ему свою признательность за почти-десятилѣтніе, истинно-художественные труды его въ Краѣ и для Края, и для этой цѣли, по подпискѣ, устроило прощальный обѣдъ, который и происходилъ вчера, во вторникъ, 27 сентября.

Художественная заслуга князя Г. Г. Гагарина Закавказскому Краю велика и несомнѣнна для каждого, кто хоть поверхностно знакомъ съ его разнообразными и многочисленными произведеніями, кто только хоть разъ видѣлъ великобѣное изданіе его Живописнаго Кавказа (Caucase Pittoresque); отбѣданный и расписанный имъ театръ нашъ, давно заслужившій громкую известность, какъ изящная, въ высшей степени оригинальная и при томъ вполне удавшаяся попытка примѣнить арабскій стиль къ зданію, предназначенію коего совершенно чуждо Востоку; и наконецъ—(последняя и самая важная заслуга именитаго художника не только для Тифлиса, но безспорно и для цѣлой Россіи!) возобновленіе внутреннихъ украшеній Тифлискаго Сіонскаго

Собора (*). Возобновленіе это должно назваться возсозданіемъ, полнымъ, творческимъ, и не только художественнымъ, но и ученымъ въ замѣчательной степени. Съ этимъ согласится каждый, кто только имѣетъ понятіе о памятникахъ чистаго византійскаго, столь сроднаго православнымъ храмамъ, стили живописи, памятникахъ, еще уцѣлѣвшихъ въ древнихъ византійскихъ храмахъ, разбѣянныхъ въ нашемъ краѣ. Эти-то памятники, дополнившіе собою прежнія изученія князя Гагарина (коимъ онъ посвятилъ много лѣтъ и трудовъ въ бытность свою въ Италіи, Греціи и Константинополѣ), и послужили для него первообразами, изъ которыхъ уже не трудно было его творчеству создать роскошные византійскіе фрески Сіонскаго Собора, и сдѣлать ихъ не только предметомъ изумленія для насъ, приходящихъ молиться подъ свѣтлю древней тифлисской святыни, но и для всѣхъ тѣхъ, кто раздѣляетъ или будетъ раздѣлять убѣжденіе, что будущность истинно-русскаго искусства—только въ изученіи лучшихъ образцовъ искусства византійскаго. Но объ этомъ предметѣ самъ князь Гагаринъ уже написалъ и готовитъ къ печати сочиненіе, которое конечно будетъ пріятнымъ явленіемъ въ нашей художественной литературѣ; заслуга же князя Гагарина едва ли уже не оцѣнена всеми представителями искусства въ Россіи,—и потому мы ограничимся здѣсь только тѣми краткими словами, которыми невольно сорвались съ нашего пера при воспоминаніи о трудахъ князя Г. Г. Гагарина, и обратимся къ разсказу о прощальномъ обѣдѣ, данномъ нашему уважаемому художнику его признательными товарищами по жизни, по службѣ и по трудамъ въ отдаленномъ краѣ Россіи. Впрочемъ, разсказъ объ обѣдѣ не можетъ быть обширенъ, потому что самый обѣдъ былъ похожъ на всѣ обѣды этого рода; значеніе-же его объяснено нами выше. Но невозможно умолчать о нѣкоторыхъ

(*). Подробное описаніе трудовъ кн. Гагарина въ Сіонскомъ Соборѣ любознательные могутъ найти въ статьѣ графа Соллогуба, въ Кавказѣ и другихъ газетахъ за прошлый 1854 годъ. Впрочемъ, не одинъ только Тифлисскій Сіонскій Соборъ останется памятникомъ пребыванія и трудовъ князя Г. Г. Гагарина на Кавказѣ. Церкви: Гимназическая, въ Тифлисѣ, Алагирская, Дербентская и другіе храмы и частныя зданія за Кавказомъ были возведены или украшены по его рисункамъ или при его художественномъ участіи.

наступление въ городъ, что и было исполнено въ точности, не смотря на всѣ усилія Французовъ двинуться впередъ изъ-за горжи редута.

Съ наступленіемъ темноты, я приказалъ войскамъ отступить, по сдѣланной за-ранѣ диспозиціи.

Опыты мужества, оказанные вами въ сей день, поселили такое уваженіе къ вамъ, храбрые товарищи, въ самомъ непріятель, что онъ, хотя долженъ былъ замѣтить ваше отступление по взрывамъ нашихъ пороховыхъ погребовъ, дѣлаемыхъ войсками вашими по мѣрѣ оставленія ими различныхъ частей оборонительной линіи, не только не преслѣдовалъ ихъ колоннами, но даже почти вовсе не дѣйствовалою своею артиллеріею по отступающимъ войскамъ, что могъ бы сдѣлать совершенно безнаказанно.

Храбрые товарищи, грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ *Севастополь*, но вспомните какую жертву мы принесли на алтарь Отечества въ 1812 году.—*Москва* стбитъ *Севастополя!* мы ее оставили послѣ безсиертной битвы подъ *Бородино*. — *Триста-сорока-девяти-дневная оборона Севастополя* превосходить *Бородино!*

Но не *Москва*, а гряда каменьевъ и пепла досталась непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не *Севастополь* оставили мы нашимъ врагамъ, а одиѣ пылающія развалины-города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству.

Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его, мы приобретаемъ подвижность, и начинается новая война, война полевая, свойственная духу Русскаго солдата.— Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную Отечественную войну.—Гдѣ бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году.

Храбрые воины Сухопутныхъ и Морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю васъ за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады *Севастополя*.

Долгомъ почитаю принести въ особенности мою благодарность доблестнымъ вашимъ начальникамъ:

Гг. Генераль-Адъютанту *Графу Остенъ-Сакену*, начальствовавшему гарнизономъ въ продолженіи девяти мѣсяцевъ; Генераль-Лейтенантамъ: *Шенелеву*, *Хрулеву*, *Павлову*, *Семакину*; Вице-Адмираламъ: *Новосильскому* и *Панфилову*; Генераль-Маіорамъ: *Мартинау*, *Пихельштейну*, *Лисенко 1-му*, Генераль-Адъютанту *Князю Урусову*, *Шульцу*, *Хрущеву*, *Голеву*, *Сабашинскому*, *Шейдеману*, Свиты Его Величества: *Князю Васильчикову* и *Толлебену*; Полковникамъ: *Козлянинову 2-му*, *Геннерицу*, *Гардиеру*; Капитанамъ 1-го ранга: *Зорину*, *Микрокову*, *Перельшину 1-му*, *Перельшину 2-му*; Подполковнику *Цилмерману*; Капитанъ-Лейтенантамъ: *Ильинскому* и *Чебышеву*, и всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, участвовавшимъ въ осадѣ.

Объемъ приказа не позволяетъ мнѣ внести въ него имена многихъ другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которымъ, въ болѣе или меньшей степени принадлежитъ честь содѣйствія въ великомъ подвигѣ обороны *Севастополя*; но каждый изъ нихъ имѣетъ право на признательность **Монарха** и **Отечества**.

Между сими сотрудниками, я назову только главныхъ дѣятелей изъ числа лицъ, не находившихся въ составѣ гарнизона: начальникъ и чины Главнаго Штаба върешныхъ мнѣ войскъ: Генераль-Адъютантъ *Коцебу*, Генераль-Лейтенантъ: *Сергелутовскій*, *Бухмейеръ*, *Ушаковъ*, *Бутурлинъ*, Генераль-Маіоръ *Крыжановскій*. Изъ нихъ Инженеръ-Генераль-Лейтенантъ *Бухмейеръ*, оказалъ важную заслугу устройствомъ превосходнаго плотоваго моста черезъ бухту, обезпечившаго отступление войскъ.

Воздавая заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ достойнымъ начальникамъ вашимъ, почтемъ, товарищи, память тѣхъ изъ нихъ, кои пали съ честію, за Вѣру и Отечество, на валахъ *Севастополя*.—Вспомнимъ въ особенности незабвенныя имена: *Нахимова*, *Корнилова*, *Истомина*, и вознесемъ мольбы наши ко Всевышнему, да ниспешлетъ Онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увековѣчитъ память о нихъ въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ Россіянъ.

Подписать: *Главнокомандующій, Генераль-Адъютантъ Князь Горчаковъ 2-й.*

подробности объѣда, такъ какъ въ нихъ съ одной стороны выразилась степень уваженія тифлискаго общества къ личности и трудамъ своего отъѣзжающаго сочлена, а съ другой стороны ими же обозначилась чисто-художественный, довольно рѣдкій у насъ, характеръ праздника.

На праздникъ съѣхалось болѣе сорока члвкъ, т. е почти все наше высшее общество. Къ величайшему всеобщему сожалѣнію, въ числѣ почетныхъ гостей не было Его Высокопреосвященства Исидора, Экзарха Грузіи, который такъ хотѣлъ быть на праздникѣ, чтобы благословить отъѣзжающаго иконою Сіонской Божіей Матери. Болѣзнь воспрепятствовала Его Высокопреосвященству быть на обѣдѣ; но главное намѣреніе его было все-таки исполнено и князь Г. Г. Гагаринъ въ тоже утро былъ благословленъ отъ Его Высокопреосвященства иконою Богоматери, въ храмъ Коей такъ безкорыстно, такъ долго и успешно трудился отъѣзжающій художникъ. При входѣ его въ залу приготовленнаго для него пиршества, онъ былъ, при звукахъ оркестра, встрѣченъ княземъ В. О. Бебутовымъ и всѣмъ, уже собравшимся, обществомъ, и немедленно приглашенъ занять мѣсто за столомъ, по лѣвую руку отъ князя Василія Осиповича. Когда наступило время задравныхъ тостовъ,—не, вѣй тостъ былъ произнесенъ княземъ В. О. Бебутовымъ о здравіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи. Это первое и всегда, для каждаго Русскаго, первенствующее пожеланіе, было встрѣчено громкимъ ура всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ, одинъ изъ распорядителей праздника обратился къ обществу съ просьбою о дозволеніи выразить отъ имени *всѣхъ* — признательность князю Г. Г. Гагарину за художественныя труды его въ край и для края и, получивъ единогласное одобреніе общества, обратился къ виновнику пѣра и произнесъ ему слѣдующій прощальный привѣтъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ Русь отъ вражеской обиды
Пришла спасти Святиню здѣшнихъ странъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ край прославленной Колхиды
Вошелъ въ составъ наслѣдія Славянъ,

Съ тѣхъ поръ, съ врагомъ ожесточенно споря,
Полвѣка мечъ не отдыхалъ средь насъ,—
И въ этотъ срокъ—отъ моря и до моря

Покрылся лаврами заоблачный Кавказъ.

Такъ! Къ лаврамъ воинскимъ стремились не всегда мы!
И былъ у насъ досугъ по временамъ
Устроить городъ, украсить наши храмы:
Труды художниковъ не чужды были намъ.

Но, въ тотъ же срокъ, по слѣду бранной славы,
Искусство мирное съ Наукою приняло:
Возвысить духъ, смягчить собою нравы
Измученной невзгодами земли.

И будетъ незабвеннъ Кавказу тотъ Правитель,
Который здѣсь *два* славы сочеталъ! . . .
Одной изъ нихъ—вы, Князь, *вы* были представителъ;
Но и для васъ отъѣзда часъ насталъ!

И вы, средь насъ свершивъ свое призванье,
Готовитесь покинуть нашъ Кавказъ:
Вотъ почему—знаменовать прощанье,
Почтенный Князь, мы собрались вкругъ васъ!
Но прежде, чѣмъ Тифлисъ простится съ вами,
Нашъ тѣсный кругъ, присутствующій тутъ,
Хотѣлъ бы вамъ немногими словами
Сказать о томъ, что цѣнимъ мы вашъ трудъ;

Что подвигъ вашъ, почти десятилѣтній,
Былъ для страны—художественный даръ,
И будетъ онъ съ годами лишь замѣтнѣй,
Но никогда—ни позабытъ, ни старъ!

Пройдутъ года, но вашего **АЛЬБОМА**
Листы изящные,—какъ памятниковъ рядъ,
Все то, что намъ такъ мило и знакомо,
Для нашихъ внуковъ живо сохранятъ!

Пройдутъ года,—но внуковъ нашихъ взоры
Въ **ТЕАТРѢ** вашемъ съ радостью найдутъ
Восточной линіи причудлыя узоры
И, можетъ быть, ясиѣ насъ поймутъ

Задачу сложную: за просвѣщеннымъ вѣкомъ
Слѣдить, но образъ *своей* во-вѣки сохранять;
Быть въ жизни современнымъ человекомъ,
Но духу родины ни въ чѣмъ не измѣнять!

Пройдутъ года,—но, нерушимый ими,
Предстанетъ въ будущемъ наститый нашъ **СИОНЬ**
И скажетъ *фресками* роскошными своими

Москва. Вотъ Онъ, вотъ Онъ, нашъ добрый, благодушный, милостивый, вотъ Онъ, нашъ Первенецъ, что родился въ Кремль, подъ звономъ колоколовъ *Царя* *Великаго*, что крещенъ въ Чудовѣ *могилами* *блженими* *Алексіа* *Митрополита*,—вотъ Онъ, смиренный Цесаревичъ, что двадцать лѣтъ ужъ служилъ Отечеству, усердно и безукоризненно, такъ что ни гдѣ, никогда и ни отъ кого не послышалось ни жалѣйшей на него жалобы,—вотъ Онъ, нашъ новый Царь, что, принявъ таинственное знамя изъ рукъ покойнаго Родителя, ободрилъ народъ въ первую минуту Своего царствованія любовными намъ именами Петра, Екатерины и Александра!

Въ 1837 году, предъ первымъ Его посѣщеніемъ Москвы, имѣвъ счастье писать для Него историческую записку, я заключилъ ее слѣдующими словами:

«... Когда Императорскій флагъ на Кремлевскомъ Дворцѣ возвѣститъ Его прибытіе, когда большой Успенскій колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и Царская площадь покроется тьмочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное ура! грянетъ громомъ при видѣ вождя-дѣлскаго державнаго Первенца Москвы, пусть Онъ всмотрится въ эти лица, пусть Онъ вслушается въ эти звуки: Онъ услышитъ въ нихъ, Онъ прочтетъ въ нихъ ясиѣ всѣхъ лѣтописей, нашу исторію; Онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣ всѣхъ статистическихъ выкладокъ тайну русскаго могущества, Онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, что такое Москва, что такое русскій человекъ, что такое Святая Русь; предъ Нимъ разоблачится ея безконечное будущее, Его высокое назначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце Его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣ нѣтъ для Царей на этомъ свѣтѣ.»

Мы всѣ, московскіе жители, мы помнимъ живо этотъ незабвенный для насъ день, мы помнимъ, съ какимъ восторгомъ принялъ былъ Августѣйшій Наслѣдникъ, начинавшій тогда, по достиженіи совершеннолѣтія, Свою царственную службу Отечеству.

Нынѣшній пріемъ Ему, уже Русскому Царю, былъ еще торжественнѣе и умильнѣе. Опасная, грозная обстановка, въ которой находится Россія, огненное испытаніе, которому она безпрестанно подвергается, мысль объ этомъ неудобноносимомъ бремени, которое, по неисповѣдимымъ предначертаніямъ Промысла, пришло ЕМУ вдругъ, паче чаянія, понести на своихъ плечахъ, мысль объ этомъ мудреномъ кормилѣ, которымъ Онъ долженъ править какъ будто застигнутый ночью въ яростную бурю, на открытомъ морѣ,—все это вмѣстѣ возвышало участие, возбуждало особенное расположеніе, влекло съ новою силою сердца, и безъ того давно Ему безусловно преданныя.

«Голубчикъ нашъ! Какой Онъ задумчивый! Угнѣи Его Господи!» «Помоги Ему, обрадуй Его!» «Помилуй насъ!»—вотъ восклицанія, которыя слышались на всякомъ шагѣ,

Объ имени того, кѣмъ былъ возсозданъ онъ . . .

Въ немъ Грузія,—Италія Россіи,
Россія передастъ преданіе своё,
Преданье чистое искусства Византіи,
И подаритъ *своимъ* художествомъ еѣ . . .

Но чѣихъ трудовъ плоды такіе будутъ? . . .
Того, кто съ нами жилъ, кто *съ нами* въ этотъ часъ;
Кого подъ сѣнью Кавказа не забудутъ,
Но кто, увя! готовъ покинуть насъ!

Счастливыи путь! . . . Отъ искренняго чувства
Желаемъ мы, чтобъ, съ нами разпростясь,—
По имени и крови *русскій князь*—
Вы стали *княземъ русскаго Искусства!* . . .

Это привѣтствіе отъѣзжающему художнику видимо тронуло его до глубины души. Онъ безмолвно, но тѣмъ не менѣе горячо—благодарилъ всѣхъ, подходившихъ къ нему съ наполненными бокалами,—а черезъ нѣсколько минутъ обратился къ обществу съ словами признательности и, въ сильномъ волненіи чувствъ, выразилъ, что изученіе памятниковъ византійскаго искусства, разъясненныхъ за Кавказомъ, и воспроизведеніе ихъ было для него не столько рудомъ, сколько счастиемъ; что по-этому онъ не ожидалъ никакой другой награды за труды свои,—но что нынѣшнее доказательство вниманія къ нему со стороны тифлискаго общества—превысило собою всѣ его ожиданія, и онъ чувствуетъ себя вознагражденнымъ выше заслуги!..

Эти скромныя слова были встрѣчены истиннымъ взрывомъ всеобщаго сочувствія.

Слѣдующій тостъ былъ предложенъ самимъ виновникомъ праздника за здоровье его сіятельства, князя Василія Осиповича Бебутова. Затѣмъ послѣдовалъ тостъ за здоровье распорядителей праздника, а въ заключеніе—отъѣзжающій князь-художникъ произнесъ послѣдній тостъ, вторично со стороны его выразившій благородную скромность: это былъ тостъ за здоровье художника *Троицискаго*, бывшаго постояннымъ помощникомъ князя Г. Г. Гагарина, въ художественныхъ трудахъ его по украшенію Тифлискаго Сіонскаго собора.

при всякомъ на Него взглядѣ! Объяви Онъ свою волю въ эту минуту, и весь народъ встанетъ, какъ одинъ человекъ, и бросится закрывъ глаза, куля Ему будетъ угодно, готовый на всякіе труды и пожертванія.

Жаль, что западные враги наши не имѣютъ здѣсь своихъ свидѣтелей, которые объясняли бы имъ настоящее положение Россіи, и подали бы имъ понятіе о силахъ, тягущихся въ глубинѣ ея души, ожидающихъ мгновенья, чтобы явиться наружу! Они, увлеченные доселѣ призраками своего робкаго воображенія или нечистой совѣсти, вѣрно задумались бы продолжать войну, которой отдаленный успѣхъ не значить ничего въ сравненіи съ положительными, настоящими и будущими ихъ потерями, и еще болѣе грозящими коловратностями!

Надо же было случиться, чтобы Государь, занятый все лѣто обороною сѣвернаго края, какъ бы въ успокоеніе гѣни Петровой, могъ навѣстить насъ, могъ повидаться съ Своею родною Москвою, именно въ то время, какъ получено, хотя знающими ожидаемое, но гѣмъ не менѣе прискорбное извѣстіе объ оставленіи нами южной части Севастополя.

Многіе опасались, что это прискорбное извѣстіе помѣшаетъ торжественному изліанію вѣрнопопаническихъ чувствъ. Опасенія, происходящія отъ незнакомства съ природою русской! Напротивъ—чѣмъ грозиле время, чѣмъ трудиле обстоятельство, чѣмъ сложиле опасности, тѣмъ завѣтъ, союзъ Царя и народа бываетъ у насъ тѣснѣе, чище, тверже, святѣе, лишь бы они понимали другъ друга, какъ учитъ наша Исторія.

Потеря Москвы не есть потеря отечества, —сказалъ нашъ старый Кутузовъ, въ ту злополучную или вѣрнѣе, казавшуюся злополучною годину нашествія на Россію двадцати лѣтъ подъ предводительствомъ перваго военнаго гения въ мірѣ.

Съ паденіемъ Севастополя не упала Россія, можно бы съ болѣшимъ правомъ сказать теперь, если бы даже и упала Севастополь; но Севастополь не упалъ: онъ стоитъ озаренный славою, въ народномъ сознаніи, и поднимаетъ всѣхъ насъ на высоту своего величія. Безъ искупительныхъ жертвъ не происходитъ въ мірѣ ничего великаго. Чѣмъ жертва чище, тѣмъ успѣхъ вѣрнѣе и долговѣчнѣе. А какъ чиста, высока и свята была севастьяпольская жертва, мы все, и самые враги наши, были свидѣтелями цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ! Цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ мужественные защитники его стояли неборимую живую стѣною предъ вражьиими силами, собранными почти со всей Европы, подъ губительнымъ огнемъ безчисленныхъ орудій всѣхъ родовъ, подъ тлетворнымъ дыханіемъ кажется самого злаго духа,—трудясь отъ утра до вечера, и отъ вечера до утра, воздвигая ежеминутно новыя преграды, защищая грудью всякій шагъ. Они не отдали бы и теперь южной части, если бы Главнначальствующій, «щадя драгоценную своихъ сподвижниковъ кровь», не рѣшился прервать на время жертвоприношеніе, дать отдыхъ великодушному сонму!

На одной батарее, подверженной преимущественно неприятельскимъ выстрѣламъ и терпящей ежедневно по канону-то значительному количеству людей, начальство хотѣло смѣнять прислугу. Оставьте насъ, отвѣчали герои, на три дня насъ станеть, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ!

Вотъ какіе духомъ одушевлены Севастополь, вотъ какимъ духомъ одушевлена Москва, — и вся Россія! Враги встрѣтятъ у насъ много Севастополь, и народъ вѣруетъ, что мы выйдемъ непременно съ честью и славою изъ роковой борьбы. Не можетъ быть, чтобы Крестъ уступилъ полумѣсцу, не можетъ быть, чтобы Христосъ поклонился Магомету. Провидѣніе себѣ не противорѣчитъ. Симъ знаменіемъ побѣдиши, сказано древле, а «сіе знаменіе» въ нашихъ рукахъ, а не вражьиихъ. На нашей сторонѣ правда: мы защищаемъ отечество и ищемъ христіанской свободы братьямъ, а они чего хотятъ, чего ищутъ? Такъ можетъ ли быть, чтобы Богъ унижилъ насъ предъ ними за правое и святое дѣло, нами предпринятое? Вотъ какъ разсуждаетъ народъ, и кто осмѣлится сказать, чтобы онъ ошибался? Будемъ же терпѣть и надѣяться!

Временныя страданія наши служатъ только доказательствомъ, что мы не вполовѣ еще достойны своего высокаго назначенія. Мститый пастырь недавно напомнилъ намъ, что опаснѣйшіе враги наши—это грѣхи. Вознемъ мудрому гласу, покаемся отъ чистаго сердца, произнесемъ искренній обѣтъ исправленія, примемъ все усердно за дѣло, сколько его дѣлать кому достанется...

Севастополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что есть прекраснаго и высокаго въ русской природѣ, но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ европейской искусственности, или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами. Не станемъ стыдиться гласнаго сознанія въ этихъ недостаткахъ, напротивъ будемъ благодарны за всякое благовѣренное указаніе; не будемъ обвинять никого, а все соединенными силами, приложимъ стараніе объ ихъ отстраненіи, и предадимся спокойно въ волю Божию. Что Ему угодно, то и будетъ!

Для исторической полноты скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ пребываніи Царскаго Семейства въ Москвѣ. Государь пріѣхалъ въ пятницу, въ двѣнадцатомъ часу,

предъ полночь. Погода была ужасная; дождь лилъ какъ изъ ведра, но все пространство отъ желѣзной дороги до Дворца было усыпано народомъ. Никто, казалось, не слыхалъ дождя и не чувствовалъ никакихъ неудобствъ. Лишь только показался Онъ на крыльцѣ, съ Государынею, нашею другою Маріею, и прочими Членами Семейства, какъ грянуло ура, и вслѣдъ за Его коляскою полилось какимъ-то непрерывнымъ громкимъ потокомъ звуковъ до самаго Кремля.

Экипажи стояли кучами по всѣмъ площадямъ: и старъ, и младъ, хотѣли, если не видѣть, то по крайней мѣрѣ слышать и чувствовать прибытіе дорогихъ Гостей.

Коляска остановилась у Иверской часовни, ярко освѣщенной среди окружающаго мрака. Мудрено передать ощущеніе русскаго человека, московскаго жителя, при видѣ издали Царя и Царицы, здѣсь козыбнопреклоненныхъ.

О шестивъ въ Успенскій Соборъ по Красному крыльцу, въ сопровожденіи многочисленной свиты, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, при восторженныхъ кликахъ народныхъ, сказано выше. Это одна изъ такихъ минутъ, какія бываютъ только въ Москвѣ.

Изъ Успенскаго Собора, по отслушаніи торжественнаго молебна, нашъ маститый пастырь повелѣ Царя, съ подъятымъ крестомъ, въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій... народныя волны двигались по ихъ направленію.

На третій день Царь принималъ во Дворцѣ все московскія сословія, дворянство и купечество, чиновниковъ и мѣщанъ, всѣхъ безъ исключенія гражданъ, кто только хотѣлъ Его видѣть,—и выражалъ всѣмъ Свое благоволеніе.

Потомъ послѣдовали осмотры полевыхъ полковъ, дружинъ ополченія, кадетскихъ корпусовъ, этихъ разсадниковъ, гдѣ готовятся новые защитники отечества,—рядъ минутъ усладительныхъ и незабвенныхъ!

Ученому сословію и учащемуся юношеству Онъ выразилъ Свое особенное благоволеніе при общемъ приемѣ, и обѣщавшись, при первой возможности, посѣтить нашъ столѣтній Университетъ, имѣющій счастье считать Его своимъ членомъ.

Во вторникъ, 6-го сентября, Царь, по святому обычаю предковъ и по внушенію собственнаго благочестиваго сердца, уѣхалъ помолиться къ Троицъ-Сергію со всѣмъ Своимъ Семействомъ, съ Царицею-Матерью, съ Царицею-Супругою, со всѣми дѣтьми и Великими Княгинями.

Воротясь съ богомолья, Царь отпразднелъ обзрѣвать войска, расположенныя въ южныхъ предѣлахъ. Можно себѣ вообразить, какое дѣйствіе произведетъ Онъ въ войскахъ Своимъ появленіемъ. Самъ Богъ внушилъ Ему эту благовую мысль.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ уже уѣхалъ въ Николаевъ осматривать оборонительныя средства, тамъ приготовленные.

Великій Князь Николай Николаевичъ за Нимъ вскорѣ послѣдовалъ.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ будетъ сопровождать Государя въ Его путешествія.

Наслѣдникъ и меньшіе Его Братья занимались между тѣмъ обзрѣніемъ московскихъ достопамятностей. Они учились въ Москвѣ уважать и любить этотъ народъ, которому...

Нѣтъ, нѣтъ нынѣ народа въ мірѣ выше Русскаго. Мы еще не повредились въ своемъ естествѣ, въ насъ еще живо человѣческое чувство, мы способны еще къ самопожертвованіямъ, мы помнимъ Бога, у насъ есть будущее...

Государь! Ты даруешь намъ много средствъ учиться воздвѣлывать таланты, въ такомъ обилии намъ Богомъ дарованные; Ты даруешь намъ много средствъ усовершенствовать наши способности, чтобы употребить ихъ на службу Тебѣ, отечеству и человечеству. Мы ожидаемъ отъ Тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній, мы ожидаемъ отъ Тебя милости, льготы, награды! Со внутреннимъ устройствомъ, никакія внѣшніе враги намъ не опасны, никакія несчастія для насъ не страшны!

Но я измѣнилъ складу и цѣли моей статьи, въ волненіи всѣхъ чувствъ своихъ я увлекся... Пусть простятъ мнѣ мое невольное отступленіе. Не до формъ теперь и формальностей, не до фигуръ и правилъ риторикъ. Одно у всѣхъ теперь на умѣ, объ одномъ все мы должны думать, къ одному все должны мы стремиться, одного все желать, объ одномъ все молиться: Отечество, Святая Русь, Боже, Царя храни!

М. Погодинъ.

(М. Влд.)

— 8-го сентября, въ 12-мъ часу по-полудни, Его Императорское Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, изволили выѣхать изъ здѣшней столицы въ городъ Николаевъ.

(В. М. Г. П.)

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Въ воскресенье, 25 числа сего мѣсяца, выступилъ изъ нашего города обратно въ Азіатскую Турцію дивизионъ Драгуновъ, конвоировавший партію военно-пѣхотныхъ Турокъ. На канунѣ здѣшними торговцами такъ называемыхъ темныхъ рядовъ имъ данъ былъ обѣдъ.

— Во вторникъ, 27 числа, происходилъ прощальный обѣдъ въ честь кн. Г. Г. Гагарина, по случаю скорого отъезда его изъ здѣшняго края. Подробное описаніе этихъ двухъ праздниковъ составляетъ предметъ сегодняшняго нашего фельетона.

Извѣстія изъ Азіатской Турціи.

(Письма корреспондента газеты «Кавказъ»).

XXVII.

14-го сентября. Лагерь при сел. Чивтинкъ-гаг.

Утромъ 11 сентября изъ амбразуръ карскаго цитадели начали вырваться бѣлые клубы дыма и вскорѣ донесли до насъ звуки выстрѣловъ. Причиною салютаціи было извѣстіе, полученное Турками чрезъ проскакавшаго изъ Эрзрума въ Карсъ гонца, но какое именно, по разногласію опредѣлить трудно.

Вскорѣ послѣ начала пальбы она прекратилась и загремѣли съ карадагскихъ укрѣпленій боевые выстрѣлы, и вотъ по какой причинѣ:

Генералъ *Баклановъ*, замѣтивъ, что Турки выводятъ лошадей своихъ на мѣсто скудное кормомъ, оставилъ ихъ нѣсколько времени въ покоѣ, что придавало неприятелю смѣлости пройти фуражировать далѣе. Предвидя это, генералъ *Баклановъ* съ разсвѣтомъ 11 числа спустилъ казаковъ и милиціонеровъ къ подошвѣ горы и едва Турки расположились фуражировать, стремительно бросился на нихъ. Въ эту минуту ядра и картечь, пущенные въ казаковъ съ Карадага, прервали салютные выстрѣлы цитадели. Далекое разстояніе помѣшало отрѣзать всю турецкую партію, но изъ той части, которую казаки отхватили, не многіе спаслись бѣгствомъ, а прочіе изрублены и 12 человекъ взяты въ плѣнъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находится безсѣбный ординарецъ мушира и слуга одного изъ приближенныхъ чиновниковъ *Вассифъ-Паша*. Кромѣ того отбито 42 лошади, въ Карсъ же увезено нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.

Въ этомъ отважномъ дѣлѣ одинъ юнкеръ нашей горской милиціи занесся, преслѣдуя неприятельскихъ всадниковъ, подъ самую укрѣпленія; подъ нимъ убили лошадь, а его ранили саблею въ голову и двумя пиками въ бокъ; удалой горець, у котораго въ свалкѣ оторвали темякъ, уже думалъ, что не избѣжитъ плѣна, но другой Кабардинецъ, кунакъ раненаго, помчался къ нему на выручку, врубился въ кучку враговъ и вывезъ пріятеля съ помощію подоспѣвшихъ казаковъ. Кромѣ этого раненаго, потеря наша заключается въ 7 лошадяхъ. Турки хотѣли было выслать изъ крѣпости подкрѣпленіе, но нѣсколько ядеръ, пущенныхъ генераломъ *Баклановымъ* въ собиравшіяся войска, измѣнили ихъ намѣреніе и они не рѣшились спуститься съ возвышенностей. Этимъ смѣлымъ ударомъ казаковъ не кончилось нападеніе на фуражировъ. Понечаянному стеченію обстоятельствъ, въ этотъ же день подполковникъ *Петровъ* съ своими линейцами и охотники полковника *Лорисъ-Меликова*, со стороны нашего лагеря напали на Турокъ. Первый положилъ на мѣстѣ 6 человекъ и 3-хъ взял въ плѣнъ, а охотники поймали отличнаго набздика изъ числа баши-бузукъ, выхавшихъ въ поле. Ни линейцы, ни охотники не понесли при этомъ никакой потери. Передъ вечеромъ Турки продолжали салютаціонную пальбу, прерванную утромъ.

Изъ Гурійскаго отряда получено извѣстіе (*), что 40 человекъ охотниковъ, подъ командою завѣдывающаго Ріонскою гребною флотиліею, капитанъ-лейтенанта *Савилыча*, сожгли подъ выстрѣлами редутъ-кальскихъ укрѣпленій, выброшенный бурей на берегъ, турецкій купеческій бригъ, который Турки починали. Это отважное предпріятіе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ, ибо судно сгорѣло до подводной части, безъ всякой потери съ нашей стороны.

(*) Подробности помѣщены въ 74 № «Кавказа».

Ред.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (Zeit.) Въ *Fremdenblatt* пишутъ: «Генералъ *Пелисье* высалъ только 10-го сентября отдѣльные отряды въ обѣятый пламенемъ Севастополь. 11-го сентября Корабельная Слобода была занята 1-мъ французскимъ корпусомъ. Вступленіе главныхъ силъ послѣдуетъ тогда только, какъ будутъ уничтожены баррикады»

на главной улицѣ, и будетъ наведенъ понтонный мостъ чрезъ Военную Гавань».

— (Zeit.) Въ Аугсбургской Газетѣ сообщаютъ, въ письмахъ изъ Перы, отъ 3-го сентября, что Пьемонтцы намѣрены усилить свой корпусъ въ Крыму до 25,000 человекъ.—Вся кавалерія союзниковъ, исключая по одному эскадрону съ каждаго полка, возвращается въ маслакскій лагерь, гдѣ строить бараки для помѣщенія лошадей.

— (J. de St.-P.) Изъ Азии. По извѣстіямъ изъ Трестской отъ 30-го (18-го) августа, сообщаемымъ въ Трестскомъ Наблюдателѣ, Омеръ-паша намѣренъ предпринять, съ 30,000 человекъ, диверсію противъ Кутаиса и Тифлиса, въ надеждѣ побудить Русскихъ къ снятію осады съ Карса и отступленію къ Гумри, для прикрытія тифлисской дороги. Генераль Вильямсъ увѣряетъ, въ одной изъ своихъ донесеній, что Эрзерумъ (Карсъ?) снабженъ провіантомъ еще на два мѣсяца. По словамъ Трестской Газеты, въ этомъ городѣ осталось припасовъ только на двадцать дней.

Англія. (Ind. V.) Лондонскіе журналы наполнены стратегическими соображеніями о дальнѣйшемъ ходѣ крымской кампаніи, но не сообщаютъ ничего официальнаго ни по этому предмету, ни о послѣднихъ событіяхъ въ Крыму.

— (J. de St.-P.) Лордъ Пальмерстонъ посетилъ городъ Мельборнъ, въ которомъ онъ былъ избранъ депутатомъ; мѣстные начальства поднесли ему адресъ, на который онъ отвѣчалъ рѣчью; но изъ этой рѣчи нельзя узнать рѣшительно ничего о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ западныхъ державъ. Министръ ограничился общими фразами о славномъ и продолжительномъ мирѣ, какъ результатѣ энергической войны.

— (Ind. V.) На банкетѣ, данномъ недавно въ честь генерала сэра Джорджа Броуна въ Эльгинѣ, генераль этотъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой защищалъ военное управленіе и начальниковъ арміи отъ нападений со стороны журналовъ. Говори объ осадѣ Севастополя, онъ отдалъ полную справедливость храбрости русскихъ солдатъ и офицеровъ.

— (J. de St.-P.) 11-го числа (30-го августа), русскіе военнопленные, находящіеся въ Льюсѣ, праздновали Тезоименитство Его Величества Государа Императора. Его Величеству угодно было доставить нужныя средства духовному лицу Греко-Россійской Церкви, проживающему въ Англіи, для совершенія православнаго богослуженія пѣннымъ, содержимымъ въ Чатамъ, Плимутъ и Льюсѣ. Въ гостинницѣ Звѣзды былъ приготовленъ обѣдъ для всѣхъ офицеровъ, числомъ 20, а именно: 12 Финляндцевъ и 8 Русскихъ. Солдаты и унтеръ-офицеры также получили угощеніе, а вечеромъ, въ то время какъ жители города или въ честь побѣды союзныхъ державъ, Русскіе отвѣчали тостами за здравіе Государа Императора и успѣхи Его арміи.

— (Ind. V.) На дняхъ одинъ изъ жителей Льюса оскорбилъ одного военнопленнаго русскаго офицера, находящагося въ этомъ городѣ. За это его приговорили къ 20 шилл. (6 р. сер.) денежной пѣни, а въ случаѣ несостоятельности, къ тюремному заключенію на двѣ недѣли. Сверхъ того судъ объявилъ о своемъ намѣреніи строго наблюдать, чтобы чернь впредь не оскорбляла пѣнныхъ. Газета Times, пользуясь этимъ случаемъ, отдаетъ полную справедливость благородству и благовоспитанности русскихъ офицеровъ.

— Въ номерѣ Times 12-го сентября напечатано между прочимъ слѣдующее:

«Во все продолженіе настоящей войны военные успѣхи Англіи всегда какъ-то запаздывали. Цесарь имѣлъ другое правило, состоящее въ томъ, чтобы всегда поспѣвать ante expectatam diem; что касается до насъ, то мы, кажется, не менѣе его гордимся тѣмъ, что всегда поспѣваемъ днемъ позже. Философическое смиреніе, съ которымъ мы принимаемъ всѣ такіе запоздалые успѣхи, составляло отличительную черту нашихъ военныхъ дѣйствій. У насъ дѣла идутъ повсюду одинаково: и въ государства, и внутри, и въ Балтійскомъ морѣ, и въ Черномъ, и подъ тропиками, и въ холодныхъ климатахъ. Когда обстоятельства требуютъ величайшей быстроты и тайны; когда каждае сутки дороги до чрезвычайности, мы провозглашаемъ всеуслышаніе наши предпріятія, устраиваемъ торжественную процессію и посылаемъ ее черезъ весь земной шаръ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и литавръ, такъ что когда она придетъ къ мѣсту своего назначенія, то мы съ удивленіемъ видимъ, что пришли поздно, не во-время!... Въ примѣръ возьмемъ Петропавловскую крѣпость. Прошлымъ годомъ мы были отбиты отъ нея, и это было со-

бытіе нерадостное. Но оно послужило какъ-бы предостереженіемъ для обѣихъ сторонъ; и той и другой слѣдовало спѣшить, Русскимъ по сушѣ, союзникамъ по морю. При этомъ мы конечно имѣли выгоду, состоящую въ томъ, что зимою сообщенія по Сибири чрезвычайно затруднительны. И что же? не смотря на это, мы все таки опоздали! теперь, когда флотъ нашъ, собравши всѣ средства для несомнѣннаго успѣха, явился къ Петропавловску, въ этомъ городѣ не оказалось ничего, ни гарнизона, ни пушекъ, ни судовъ, ни военныхъ снарядовъ, ни жителей. Гарнизонъ, не смотря на нашихъ крейсеровъ, успѣлъ уйти со всѣмъ, что было въ городъ и съ судами въ другое мѣсто, гдѣ онъ гораздо лучше защищенъ отъ нашихъ нападений.

«Это представляетъ прекрасный образецъ тѣхъ заслугъ, которыхъ мы вырвать ожидать отъ нашихъ военныхъ пароходовъ, которые такъ дорого обходятся, и машинами своими, и топливомъ, и огромными пушками. Зачѣмъ же мы ихъ держимъ? Только для того, чтобы они разъѣзжали вдоль и поперекъ по Тихому Океану? Къ несчастію, тоже мы видимъ и вездѣ. До сихъ поръ еще мы не понимаемъ, какъмъ образомъ Русскіе умѣли съ 1854 по 1855 г. вывести свои корабли изъ Свеаборга и другихъ второстепенныхъ портовъ, и укрыть ихъ за Кронштадтомъ; почему парусныя суда могли плавать гдѣ имъ угодно, когда наши пароходы не могли этого сдѣлать? Въ такомъ случаѣ, на что же нужны пароходы, если мы не можемъ пользоваться ими лучше парусныхъ судовъ? Если бы правительствомъ изъяснено хоть какое нибудь порицаніе нашему флоту за ничтожность его дѣйствій, мы могли бы еще ожидать какихъ нибудь улучшеній; но чѣмъ наши флоты менѣе дѣйствуютъ, тѣмъ болѣе ихъ хвалятъ за это, такъ что если бы наши крейсера поспѣли во-время въ Петропавловскъ и взяли въ плѣнъ гарнизонъ, и тогда они не могли бы получить болѣе лестнаго одобренія какъ теперь, когда пришли къ этой крѣпости уже въ то время, какъ Русскіе вполне очистили ее.»

Франція. Изъ Парижа пишутъ въ Новую Прусскую Газету:

«Сегодня, нѣсколько сотъ русскихъ пѣнныхъ были мимоходомъ въ Парижѣ. Въ предмѣстьяхъ, рабочіе наперерывъ угощали ихъ табакомъ, виномъ, бѣлымъ хлѣбомъ, и пр. Вездѣ, гдѣ показывались русскіе пѣнные, ихъ привѣтствовали и говорили: «должно уважать несчастіе.»

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ Г. СИСЬ,

бывшій въ среднихъ вѣкахъ столицей

АРМЕНИИ.

(Продолженіе.)

Во дворѣ, чрезъ который ходитъ въ церковь, видна усыпальница сисскихъ патриарховъ; стѣны ея, въ 1 метръ вышины, построены изъ твердаго камня длиннымъ прямоугольникомъ, имѣющимъ спереди девять весьма узкихъ нишей. Въ этой усыпальницѣ я нашелъ только три плиты изъ бѣлаго мрамора, на которыхъ высѣчены надписи, митра и патриаршій жезлъ. Плиты покрыты могилами католиковъ: Иоанна V, который занималъ патриаршью кафедру съ 1719 по 1727 г. и съ 1730 по 1734 г.; Михаила, брата Луки, бывшаго патриархомъ съ 1737 по 1757 (1), и Тороса III (Теодора), бывшаго католикомъ съ 1784 по 1808 г. Вотъ надписи на этихъ могилахъ, съ переводомъ:

Могила патриарха Иоанна V (2).
ՄԱՍՏՊՈՒՆ
ԿԻՂԻՎՈՅ
ՆՐԻՒՆԳՂՉԻՆ
ԲՆՆՆՆԻՆԻՆԻ
ՆԱԶԱՐԱՐԻՆԻ
ԻՅՈՒՍԵՆԻՆ

Надпись эта, сочиненная рѣчованными стихами, должна бытъ написана слѣдующимъ образомъ:

Այս տապան յՌաննիսին
Արևիկոյ կաթողիկոսին
Էր է գեղ ջէն կոչեալ Նաճին
Որ է կանգեալ է թժականին
Նազար կարիւր էօթանանին
Եյաննեանն գեկտեմբերին

«Здѣсь могила Иоанна, патриарха Киликіи; онъ родился въ деревнѣ Гачинъ, умеръ въ 1170 (армянской) эры, въ декабрь мѣсяцъ.» Армянскій 1170 годъ начался 22 сентября 1720 г. и кончился 21 сентября 1721 г. включительно;

(1) Saint-Martin, см. вышеприведенную цитату.
(2) На могилахъ католиковъ высѣчены: патриаршая митра и жезлъ.

слѣдовательно, Чамичъ и Сенъ-Мартенъ ошиблись, означивъ въ своихъ спискахъ смерть патриарха 1734 г.

Могила патриарха Михаила I.

ՄԻՅՈՒՆ
ԿԵՆՆԻՆ
ԿԵՆՆԻՆ
ՍԵՆՄԱՐՏԵՆ
ՐԱՅՆԻՆ
ԿԵՆՆԻՆ
ՆՐԻՒՆԳՂՉԻՆ
ՈՅՈՒՆԻ
ԻՂԻՎՈՅ
ՏԻՎԻ
ԳՅԼ 125

Эта надпись, въ рѣчованныхъ стихахъ, должна бытъ такъ написана:

Յայս տապանը կայ եղեալ
Տէր վարդգէս մեծն ընտրեալ
Սա վեմագոյն վերաբեալ
Յուսահան (?) է վերակոչեալ
Թժոյս Նազար է երկու Նարեւր,
Է Նաբգաւի է տէր կանգեալ:

«Въ этой могилѣ покоятся господиъ Михаилъ, великій избранныкъ, названный превосходѣйшимъ, удивительнымъ, желательнымъ. Онъ почилъ въ Бозѣ 1200 г. (армянской эры.)»

1200 годъ армянской эры начался 15 сентября 1750 г. и кончился 14 сентября 1751 г. включительно. Сенъ-Мартенъ и армянскіе летоисчислы, означая подъ 1751 годомъ смерть патриарха Михаила, явно ошибаются. По этому скорѣе можно принять годъ, который находится на памятникѣ патриарха.

Могила патриарха Тороса III (Теодора).

ԻՆՅՈՒՆՍԵՆԻՆԻՆ
ԲԻՇՈՒՆՆԻՆԻՆ
ՈՒՌՈՍԿՈՍԻՆ
ՌԻՉԱՐՍԻՆԻՆ
ՊԱՏՐԻԱՐԿՆԻՆ
ԲԻՎՈՒՅՌՊՉՈՒՆ
ԵՎԵՂՉՈՒՄՉԻՆ
ԵՎԵՂՉՈՒՄՉԻՆ
ՐՈՂՈՒԹԵՆԻՆ
ԳԵՆՆԻՆԻՆԻՆԻՆ
ՎԵՐՈՒՐՎԵՅԻՆԻՆ
ԾՆՆՆՆԻՆԻՆ
.....ՆԻՆԻՆ
ԲՅՍՈՒՆԻՆԻՆ
ԵՐՆԱՐԳԻՆԻՆԻՆ
ԵՐՆԱՐԳԻՆԻՆԻՆ

Надпись эта, какъ и предыдущія, написана стихами, хотя между рѣчовыми имѣтъ такого согласія, какъ въ надписяхъ, находящихся на могилахъ Иоанна V и Михаила I.

Է այս տապան անբիծ վէհի
Թէոդորոս կաթողիկոսի
Որ է զարմ է աշապահի
Ընտրեալ բեւոյց որ անճարմ (?)
է բազում ջանս յանձին կալեալ
Կորոզութեան սրբոյ գահի
Ելլ է բարի վարուք փայլի
Ելլ ծայրափայլ գեր բան
(Չամենեանն) կանգեալ
Թժոյս ո կնգի է
Երկու ճ ընդ քառանին:

«Здѣсь могила св. католика Теодора, который происходитъ изъ ашабахскаго рода. Ему стоило много усилія, чтобы возстановить святую кафедру; онъ славился своими превосходными качествами,— это былъ отличнѣйшій человекъ, стоящій выше всѣхъ. Онъ умеръ 1245 г.» Ашабахами *աշապահ* или лучше ашбанами *աջպան* называются хранители правой руки св. Григорія. Имя это дано фамиліи патриарха Луки, который находился въ Сисѣ; всѣ бывшіе послѣ него патриархи киликіискіе принадлежатъ къ этой фамиліи, потому что одни члены ея пользовались правомъ быть избранными на патриаршью кафедру Киликіи.—1245 г. армянской эры начался 4 сентября 1725 г. и кончился 3 сентября 1796 включительно. Но хронологическій списокъ патриарховъ сисскихъ, приложенный къ рукописи, хранящейся въ монастырской библиотекѣ (3), показываетъ смерть Тороса III, или Теодора, а вступленіе Кирикоса на патри-

(3) См. ниже № 144 каталога библиотекы Сисскаго монастыря.

аршую наведру подъ 1808 г.; по этому годъ этотъ вы-

ставленъ въ томъ спискѣ ошибочно, ибо на могилѣ Торо-

са видно, что онъ умеръ въ 1795 г., а не въ 1808.

Новый монастырь, называемый также Киракосскимъ.

Монастырь, гдѣ имѣетъ теперь свое мѣстопробываніе патриархъ, былъ построенъ при католикосѣ Киракѣ на мѣ-

Սուրբ Էմիանի եւ Եւս Գեորգի, լուսոյ փառաց Խառնարարին, զի սաս բառնի մարուր գինին, լինի զինուան անմահ գառնի, հաստեցելոյ սեամբ շնորհին, նոր կառուցելոյ բոլորովին, թէ էս թէ շինա արդեամբ զէնին, հինմեցելոյ ՚ի բան զերին, տէր կերակոս սբազանին և հոգեւոց հայրապետին

՚ի թուին հայոց ուժ թ մայրս Ժ օրն, սուրբ շինուածոյս զերակագնի, և այլ սենեակս ընդ պարսպի, մեծաւ ջանիւ կատարողի Է հայոց գրոցն թուա կաղուէ, այսբան ամօր աղխատողի, արեաջան փոխան որդի, ընտիր զէնիս Մերակոսի, տէր եղևա եպիսկոպոսի, որէ տեղեաւ Խարբեթացի, յերզ զանուծնէ արժանի:

«Я дверь, дающая входъ небесному свѣту, пишеству свѣта славы (потому что здѣсь льется священное вино и закаляется безсмертный агнецъ), дверь храма, опирающагося на столбъ милости, недавно стъизнова воздвигнутый, я (дверь) и мой домъ (церковь), мы были построены иждивеніемъ господина Киракоса, прославленнаго патриарха, опирающагося на словъ небесномъ, благочестиваго и исполненнаго Св. Духа.»

«Въ 1295 г. 10 мая армянской эры, воздвигнуто это священное зданіе, равно какъ и другія строенія и каменная ограда, чрезвычайными усилиями того, который кончилъ эту работу въ вышеупомянутой эрѣ, попеченіями архитектора, трудившагося столь значительное число лѣтъ, ревностнаго викарія славнаго и значительнаго Киракоса, господина Иліи гарпутскаго (Гарпертъ) епископа, котораго имя заслуживаетъ быть упоминаемо (въ молитвахъ).»

1259 годъ начался 31 августа 1809 г. и кончился 30 августа 1810 г. включительно. Во внутренности этого памятника, лишеннаго украшеній и картинъ, находится по лѣвую руку отъ входа гробница патриарха Киракоса, котораго начальникъ горы Кусанъ велѣлъ отравить въ 1825 г., чтобы избавиться отъ его вліянія: это самый простой саркофагъ безъ

(*) См. обороты медалей рупенскихъ царей въ моемъ Essai de classification des suites manétaires arméniennes. Известно также, что гербы армянскаго царства были золотые, изображавшіе льва съ разверзтою пастью, вооруженнаго и увѣнчанаго золотой короной.

всякой надписи (*). Въ клиросѣ видно патриаршее сдѣла-

Имущество Сисской церкви.

Монахи сохраняютъ въ часовнѣ св. Григорія много св. мощей, которыя киликійскими Армянами цѣнятся очень вы-

Рука св. Григорія составляетъ безъ сомнѣнія самое важное сокровище сисской армянской церкви; она вложена въ серебряную руку, сдѣланную въ византийскомъ стилѣ съ кольцомъ, припаяннымъ на указательномъ пальцѣ и украшеннымъ изумрудомъ; на ней примѣтны еще слѣды позолоты. Правая рука св. Николая, смирскаго греческаго патриарха, также сохраняется въ серебряной рукѣ; но работа этой послѣдней проще, нежели первой. Рука св. Сильвестра, тридцать третьяго папы, вложена также въ серебряную руку. Рука схимника Барсама, завернутая въ матеріи, сохраняется въ серебряномъ ящикѣ, овальной формы. Эти четыре руки хранятся въ ракъ, изъ массивнаго серебра, украшенной чеканенными арабесками. На нихъ основывается, какъ уже сказано выше, законность правъ патриарха, который по этому носитъ титулъ *աջակի*

хранителя правой руки св. Григорія. Мощи эти всегда составляли принадлежность сисскихъ католикосовъ, даже послѣ раздѣленія Армянской Церкви, бывшаго въ 1441 году, и въ слѣдствіе котораго въ Эчмиадзинѣ было учреждено патриаршество. Григорій IX продолжалъ жить въ Сисѣ и сохранилъ руку св. Григорія, которую Киракосъ, избранный патриархомъ эчмиадзинскимъ, желалъ перенести въ Эчмиадзинъ. Впрочемъ въ Эчмиадзинѣ находится другая рука св. Григорія; по тамошнему преданію, это есть та самая рука, которая хранилась нѣкогда въ Румъ-Калахѣ, бывшемъ резиденціею католикосовъ до перенесенія патриаршей кафедръ въ г. Сисѣ. Г. Броссе (*), посѣтившій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эчмиадзинскій монастырь, упоминаетъ въ своемъ сочиненіи о правой рукѣ св. Григорія, говоря, что она вложена въ сдѣланную изъ серебра и позолоченную руку... Эчмиадзинскій патриархъ былъ всегда почитаемъ, какъ главный духовный начальникъ всѣхъ Армянъ, и нѣкоторые полагаютъ, говорить Евг. Боре (Arménie, p. 49), что причиною, содѣлавшею церковь эту первенствующею предъ прочими, было перенесеніе туда руки св. Григорія. Но скорѣе, кажется, можно объяснить причину этого преимуществъ тѣмъ, что патриаршая кафедра въ Эчмиадзинѣ есть первоначальная, и что это мѣсто освящено присутствіемъ св. Григорія Лузаворича (просвѣтителя).

Но возвратимся къ имуществу сисской церкви.

Монахи хранятъ и показываютъ другаго рода сокровища: это омофоръ патриарха Іакова или Акопа (**), сдѣланный въ Алепѣ; по крайямъ сго находятся двѣ вышитыя золотомъ надписи:

ԱՂԱՅԻ
ԵՅՆԻՒԻ
ԹՂԻԿ
ԵՆԿՈՍԵՐՈՒԹՅՈՒ
ՆԻՉԻՒՄԻՆԵՆԷ
ՈՂ ՈՐՄԵԼԻԱՍՅՆԻՅԻՐԱՅ
ԽՆՏՈՂ ԽՆՅՈՐՐԻՆԵՄՈՂԻՆ

(*) Въ небольшой ракъ, висящей на стѣнѣ близъ этой гробницы, видна монограмма имени: *Մերակոս*.

(*) Rapports sur un voyage archéologique en Géorgie et en Arménie. Saint-Petersbourg, 1850, in-8°.

(**) На принадлежавшемъ ему омофорѣ видны 683 г., начавшійся 22 января 1234 и кончившійся 21 января 1235 г. включительно.

1) «Сдѣланъ въ 683 г. нашей эры. Скажите: да исполнитъ Господь милосердіе свое на того, который сдѣлалъ это (омофоръ), аминь.»

ՍԱՐԵՍԻՒ
ԵՅՆԻՒԹԻՒՆ
ՆՍԻՒՐԱԳ
ԵՆԿՈՍԵՐՈՒԹՅՈՒ
ՆԻՉԻՒՄԻՆԵՆԷ
ՈՂ ՈՐՄԵԼԻԱՍՅՆԻՅԻՐԱՅ
ԽՆՏՈՂ ԽՆՅՈՐՐԻՆԵՄՈՂԻՆ

2) «Омофоръ этотъ моей работы. Онъ былъ вышитъ въ прекрасномъ городѣ Алепѣ, для ношенія г. Іаковомъ, ученикомъ, котораго да сподобитъ Богъ достойно употребить его, аминь.»

Омофоръ сшитъ изъ красной шелковой матеріи. На немъ вышиты кресты съ изображеніями изъ цѣлковыхъ ликовъ Іисуса Христа и многихъ другихъ. Имена, вышитыя съ бѣлымъ жемчугомъ, слѣдующія: Св. Дѣва Марія, святые: Григорій Лузаворичъ, Петръ, Николай, Денисъ, Нерсесъ, Іоаннъ, Мекертичъ, Іаковъ, Антоній, Григорій, Сергій, Василій, Кириллъ, Эпифаній и проч. Омофоръ этотъ принесенъ былъ изъ Румъ-Калаха въ Сисѣ, въ концѣ XIII вѣка; патриархи тщательно берегутъ его, потому что они полагаютъ, что онъ принадлежалъ св. Нерсесу Хнорани, который былъ патриархомъ за столѣтіе до Іакова I-го Килдангана. Два евангелія, въ серебряномъ переплетѣ, составляютъ также часть имущества сисской церкви. Одно изъ нихъ небольшое in 4°, писанное на пергаментѣ, при Леонѣ V Молодомъ, (въ 782 г. армянской эры ***), въ Сорованскомъ монастырѣ. Другое евангеліе in folio, также написанное на пергаментѣ при царѣ Константинѣ IV (Лузиньянскомъ) въ 794 г.) На послѣднемъ его листѣ написано: «книга эта принадлежитъ Константину, который пожертвовалъ ее этой церкви (****) ради спасенія души умирающаго отца его, барона Бодуана, маршала, и двухъ сыновей его Леона и Окена.» Монахи хранятъ, какъ драгоценность, эти два евангелія, а въ особенности послѣднее, которому они приписываютъ чудодѣйственную силу и думаютъ, что оно было написано рукою царя Леона II. Наконецъ, главное украшеніе монастырскаго сокровища, по своей цѣнности, есть св. сосудъ елѣя, содержащий въ ковчегѣ, покрытомъ крышкою въ видѣ купола. Все это сдѣлано изъ массивнаго серебра и позолочено. Ковчегъ пожертвованъ между прочимъ, монастырю константинопольскимъ армянскимъ семействомъ *Дузэ-олу*.

Нѣтъ надобности описывать чашъ, дароносицъ и другихъ сосудовъ церковныхъ, сдѣланныхъ въ недавнее время въ Константинополь, Смирнѣ, или Алепѣ, такъ какъ они ничѣмъ не примѣчательны.

(Оконч. въ слѣд. №).

(*) 182 г. армянской эры начался 28 декабря 1332 г., а кончился 27 декабря 1333 включительно.

(**) 1794 г. армянской эры начался 25 декабря 1344 и кончился 24 декабря 1345 г. включительно.

(***) Или не показано, хотя съ вѣроятностью можно подозревать здѣсь одну изъ церквей сисскихъ, зависящую отъ патриарха.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продается НОВЫЙ РОЯЛЬ орѣховаго дерева въ дошѣ Алдаданова возлѣ Школы межевщиковъ. 3.

ПРИЪХАЛИ: сентября 25-го: изъ Пятигорска генераль-маіоръ *Юрьевъ*, полковникъ *Дремакинъ*. 26-го: изъ С. Петербурга полковникъ графъ *Доникеръ*.

ВЫЪХАЛИ: сентября 26-го: въ Александрополь статскій совѣтникъ *Мензенкампфъ*. 27-го: въ Александрополь полковникъ *Дремакинъ*.

Тифлисскій театръ.

Въ Четвертъ, 29-го сентября: ЭСМЕРАЛЬДА или четыре рода любви. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Танцы.

Метеорологическія наблюденія.

Table with 9 columns: Month/Day, Hour, Thermometer (Dry/Wet), Wind speed, Barometer (13 1/2), Wind direction, Sky condition, Temperature (Min/Max).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ. 28-го Сентября 1855. Цензоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстникъ Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

Этотъ № состоитъ изъ трехъ полулистовъ.